

ПОСЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ИММИГРАНТОВ НА ПЛАТО УЗУНЪЯЙЛА В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД

Г.В. Чочиев

В статье на основе главным образом турецких архивных источников рассматриваются особенности процесса поселения и адаптации северокавказских иммигрантов на расположенном в Центральной Анатолии плато Узунъяйла (ныне округ Пынарбаши провинции Кайсери). Данная обширная малонаселенная местность стала одним из первых османских регионов, открытых Портой для переселенческой колонизации. Несмотря на спорность правового статуса этой территории и претензии на нее со стороны местного кочевого племени афшаров, власти в течение 1860–1862 гг. и позднее направили туда значительное число иммигрантских групп, результатом чего стало формирование примерно 15-тысячного черкесского (в основном адыго-абазинского) этнического анклава, включавшего в себя несколько десятков вновь созданных сел. В отличие от обычной колонизационной практики османской администрации в Анатолии, в рамках данного проекта было допущено компактное поселение иммигрантов по «племенному» принципу, что способствовало их более успешной социальной и экономической адаптации в новых условиях. Более эффективной, чем в других регионах, представляется и организация там государственной материальной помощи поселенцам. В свою очередь массовое размещение северокавказцев на Узунъяйле существенно облегчило османскому руководству задачу вытеснения оттуда и принудительного перевода на оседлость афшаров. В имевших место конфликтах между иммигрантами и кочевниками власти последовательно поддерживали черкесов, а после завершения процесса колонизации выделили указанный регион в отдельный округ, черпавший свои управленческие кадры преимущественно из собственной среды. Сравнительное хозяйственное благополучие и фактическая социокультурная автономность черкесов Узунъяйлы сделали их в османский период не только наиболее многочисленной, но и наиболее жизнеспособной кавказской общиной в стране.

Ключевые слова: Османская империя, плато Узунъяйла, северокавказские иммигранты, колонизация, адаптация, афшары.

The article, based primarily on Turkish archival sources, discusses the peculiarities of the settlement and adaptation process of North Caucasian immigrants in the Uzunyayla plateau located in Central Anatolia (now Pınarbaşı district, Kayseri province). This vast and sparsely populated area became one of the first Ottoman regions opened by the Porte for migrant colonization. Despite the controversial legal status of this territory and claims to it by the local nomadic Afshar tribe, during the years 1860–1862 and later the authorities sent there a significant number of immigrant groups, resulting in the formation of approximately 15,000-strong Circassian (mainly Adyghe-Abazin) ethnic enclave, which included several dozens of newly created villages. In contrast to the usual colonization practice of the Ottoman administration in Anatolia, within the framework of this project a compact settlement of immigrants was admitted in line with the “tribal” principle, which contributed to their more successful social and economic adaptation to the new conditions. The organization of state material assistance to the settlers there also seems to be more effective than in other regions. In its turn, the massive deployment of North Caucasians in Uzunyayla greatly facilitated the Ottoman leadership’s task of ousting from there and subsequent forced sedentarization of the Afshars. In the conflicts between immigrants and nomads the authorities consistently supported the Circassians, and after the completion of colonization they detached the region into a separate district, which drew its managerial personnel mainly from its own milieu. The comparative economic well-being and the actual sociocultural autonomy of the Circassians of Uzunyayla in the Ottoman period made them not only the most numerous, but also the most viable Caucasian community in the country.

Keywords: Ottoman Empire, Uzunyayla plateau, North Caucasian immigrants, colonization, adaptation, Afshars.

Северокавказская колонизация в Османской империи во второй половине XIX в. осуществлялась в целом в соответствии с едиными установками и принципами (см.: [1; 2; 3]). Вместе с тем ее цели, практический ход и результаты имели в различных частях государства определенные особенности, обусловленные несходством локальных социально-экономических, демографических, этноконфессиональных, политических, природно-климатических и прочих условий. В данной статье рассматриваются предпосылки, механизмы и некоторые итоги поселения и первичной адаптации иммигрантов в Центральной Анатолии, а именно на плоскогорье Узунъяйла, являвшемся одной из зон наиболее массивного и компактного размещения северокавказского (по османской терминологии – черкесского) населения в империи.

Не вызывает сомнений, что османское руководство имело ряд достаточно весомых практических оснований для направления в этот регион части северокавказских мигрантов («мухаджиров»), устремившихся в страну на последних стадиях Кавказской войны.

Местность Узунъяйла (в переводе с турецкого – «длинное летнее пастбище») представляет собой лежащее на высоте примерно 1500–1600 м над уровнем моря плоскогорье площадью около 3 тыс. кв. км, окруженное со всех сторон высокими, но проходимыми горными хребтами и отличающееся довольно суровым климатом с холодными зимами и засушливым, прохладным летом [4, 272–273]. Этот район, административно входивший в состав Сивасского вилайета, к середине XIX в. почти не имел постоянного населения и использовался главным образом кочевым туркменским племенем афшаров в качестве летнего пастбища для скота.

Между тем, несмотря на отмеченные климатические особенности, Узунъяйла обладала относительно плодородными почвами и достаточными для эффективного хозяйствования водными и лесными ресурсами [4, 273–274]. Несомненно, что заинтересованность властей в постановке на службу казне этого экономического потенциала явилась важнейшей причиной решения о направлении сюда иммигрантов. Так, уже в 1859 г., вскоре после начала массовых миграций с Северного Кавказа, Узунъяйла была внесена Портой в перечень регионов, подлежащих первоочередной переселенческой колонизации [1, 167; 2, 63].

Другой причиной поселения кавказцев в данной местности было стремление Стамбула обеспечить здесь общественный порядок и укрепить позиции центральной власти. При этом целью правительства было не только пресечение бесчинств, регулярно совершавшихся афшарами и другими племенами во время своих кочевок в отношении крестьянского населения близлежащих округов, но и постановка самих племен под надежный контроль государства и постепенное превращение их в оседлый законопослушный (платящий налоги и отбывающий воинскую повинность) элемент.

Судя по архивным документам, власти изначально были убеждены в том, что «черкесы, будучи людьми смелыми и отважными, не оробеют перед племенами и... [помогут государству] добиться того, чтобы упомянутая местность перестала служить прибежищем для разбойников и грабителей, высокая казна получала положенный доход, окрестное население обрело покой, а сами черкесы жили там в безопасности и спокойствии» [5, 26367]. Несмотря на то, что уже вскоре после появления

в регионе первых партий переселенцев обеспокоенные этим вожди афшаров подали на имя султана Абдулмеджида прошение о ненаправлении в их «дедовскую вотчину» непривычно выглядящих чужеродцев («желтоволосых, голубоглазых, одетых в шкуры и питающихся просом людей»), Порта не отказалась от своего намерения, констатируя в своем ответе необходимость соблюдения равенства между старыми и новыми подданными [6, 45; 7].

Наконец, еще одним веским мотивом для открытия плато Узунъяйла для колонизации служило то обстоятельство, что его природно-географические характеристики сводили к минимуму вероятность возникновения в дальнейшем проблем, связанных с неспособностью выходцев с Северного Кавказа приспособиться к местным климатическим условиям. Это было весьма актуально ввиду имевших место во многих османских регионах случаев массовых заболеваний и гибели иммигрантов, влекших за собой обычно их требования о переводе в другие места. Как отмечалось в официальном обосновании целесообразности отправки переселенцев на Узунъяйлу, «...данное плоскогорье богато горами, долинами, водами и свежим воздухом и потому соответствует натуре черкесских мухаджиров» [5, 26367].

С другой стороны, несомненно и наличие определенных факторов притяжения северокавказцев в данную область. Отметим, что на начальном этапе северокавказских иммиграций (до «большого исхода» черкесов 1863–1864 гг.) османские власти нередко организовывали ознакомительные поездки уполномоченных представителей переселенческих общин в предполагаемые районы их размещения с целью заручиться их согласием на поселение там. В соответствии с этой практикой в мар-

те 1860 г. на Узунъяйле побывала группа черкесской знати, которая осмотрела регион и получила от вилайетских властей заверения во всесторонней помощи и поддержке в случае выбора ими данной местности. Тот факт, что в том же месяце сюда начали прибывать крупные партии переселенцев, явно свидетельствует о том, что территория была сочтена ими вполне подходящей для проживания [8, 403/86].

В последующие месяцы был отмечен целый ряд обращений к властям со стороны групп северокавказцев, направленных в другие регионы Анатолии, с просьбами об их переводе на плато Узунъяйла в силу его привлекательности для них по климатическим причинам. В некоторых из них заявителями особо подчеркивалось, что данная местность своим ландшафтом и природными условиями более всего напоминает им их кавказскую родину. Вместе с тем представляется, что этот мотив все-таки играл второстепенную роль в подобных обращениях, так как далеко не все стремившиеся на Узунъяйлу группы были первоначально расселены в географически неблагоприятных (чрезмерно жарких, влажных, низинных, пустынных, болотистых и т.п.) областях. Гораздо более важным фактором, на наш взгляд, было то, что Узунъяйла с самого начала мыслилась Портой как район массовой и компактной северокавказской колонизации с гарантированной на самом высоком уровне социальной и экономической поддержкой поселенцев. Вследствие этого иммигранты, столкнувшиеся с материальными и хозяйственно-бытовыми проблемами в других регионах, сплошь и рядом начинали требовать от местных администраций или созданной в январе 1860 г. специальной правительственной службы – Мухад-

жирской комиссии – разрешений на переселение на Узунъяйлу. В результате существенную часть оказавшихся там северокавказцев составили группы, которые не смогли получить ожидаемую помощь и приступить к самостоятельной хозяйственной жизни в других анатолийских провинциях. Например, в апреле 1861 г. группа направленных в район Бурсы, но не получивших там от властей помощи абазинцев в составе 112 чел. перебралась на Узунъяйлу, где уже проживали их родственники. В том же месяце 56 семейств черкесов-хатукайцев после пребывания в течение двадцати месяцев в необустроенном состоянии в округе Кайсери и гибели от голода нескольких своих соплеменников были переведены на Узунъяйлу. В июне того же года еще 96 абазинцев, ранее поселенных в округе Биледжик и оказавшихся в бедственном положении из-за прекращения выплаты им пособий, прослышав о «преумножении благополучия» своих соплеменников на Узунъяйле, добились от Мухаджирской комиссии разрешения на переселение туда [8, 464/71; 9, 222/5, 477/67; 10, 356/39]. Тогда же по аналогичным причинам в регион прибыли около 200 чеченских и дагестанских семейств из Измирского вилайета [9, 222/9].

Не менее важной причиной предпочтения кавказскими иммигрантами региона Узунъяйла была проистекавшая из его относительной обширности и малолюдности возможность совместного поселения здесь связанных традиционными социальными и кровнородственными узами общин («племен» (*кабиле*), по терминологии османских источников). Очевидным тяготением северокавказцев к расселению на новой родине в близко расположенных друг от друга моноэтнических (по возможности монообщинных) селах объяснялось переме-

щение сюда порой даже крупных групп, успевших достаточно успешно обосноваться в других местах. Так, в феврале 1861 г. размещенная в округах Чорум и Соргун община «черкесских мухаджиров» численностью в 745 человек, полностью обеспеченная властями землей, домами и сельскохозяйственным инвентарем, но «недовольная нахождением в среде коренного населения», отказалась приступить к весенней вспашке полей и обратилась к администрации с требованием о переводе на Узунъяйлу, которое было вскоре удовлетворено. Весной того же года Мухаджирской комиссией были направлены в регион общины кабардинцев в количестве 70 семейств и «черкесов» в количестве 1200 человек после того, как чиновникам в округах их первоначального пребывания (Болу и Кастамону соответственно) не удалось изыскать подходящие земли для их компактного поселения, хотя в обоих случаях иммигрантам оказывалась достаточная материальная помощь государством и населением [8, 456/38, 481/98; 9, 760/71; 10, 352/92].

Примечательно, что в подавляющем большинстве обнаруженных прошений о переселении на Узунъяйлу их авторами в качестве главного либо дополнительного мотива указывалось желание воссоединиться с уже находящимися там родственниками. Это, бесспорно, повышало шансы на положительное решение вопроса, поскольку Порта, как правило, демонстрировала весьма щепетильное отношение к проблеме разделенных семей (при этом сами иммигранты, несомненно, зачастую подразумевали под «родственниками» сородичей и соплеменников). С другой стороны, известны и обращения поселенных на Узунъяйле северокавказцев о переводе к ним их родственников, оказавшихся в ходе миграции с Кавказа в других ча-

стях империи. К примеру, в 1865 г. некто Хусейин-бей «из черкесской знати» просил Мухаджирскую комиссию помочь доставить к нему 15–20(!) семей его «родственников», находившихся в районе г. Варна в Дунайском вилайете. В официальном ответе на это обращение, однако, говорилось, что ввиду удаленности указанного региона просьба может быть удовлетворена лишь в случае, если названных лиц не удастся расселить на месте [9, 345/47]. В этой связи необходимо заметить, что в данном прошении, как и во многих подобных, явно имелись в виду не столько кровные родственники, сколько представители зависимых сословий, составлявшие челядь традиционного феодального домовладения на Кавказе.

Как следует из изученных османских документов, в первые годы колонизации власти обычно благосклонно относились к просьбам северокавказцев об их поселении на Узунъяйле. Однако в последующий период, по мере роста в этом районе численности иммигрантского населения, подобные обращения стали удовлетворяться все реже либо обставляться различными финансовыми условиями. К примеру, поданное в 1862 г. 32 черкесскими семействами, не сумевшими приспособиться к климатическим условиям округа Сарухан, прошение о переводе на плато Узунъяйла, было удовлетворено лишь после расследования, подтвердившего факт гибели части членов группы, с условием, что переезд будет осуществлен на средства самих иммигрантов [8, 526/19, 529/37, 530/71]. В том же году председатель Мухаджирской комиссии в своей докладной записке великому везиру с беспокойством констатировал, что «... большинство черкесских мухаджиров, едва ступив на пристань Трабзона или Самсуна, заражается желанием по-

пасть на Узунъяйлу, однако ввиду невозможности поселения там большего числа людей, чем было предусмотрено ранее, необходимо, используя подходящий язык, убедить их в целесообразности отправления в другие места» [10, 384/80]. Помимо уменьшения пригодных для колонизации земельных резервов в регионе, ограничение притока сюда кавказских переселенцев объяснялось также традиционно настороженным отношением Порты к чрезмерной концентрации представителей этнически однородных, обладающих иерархической системой управления «племенных» сообществ в одной местности. В то же время нельзя не заметить, что и во второй половине 1860-х гг. и последующие десятилетия власти по-прежнему позитивно реагировали («по соображениям милосердия и сострадания») на прошения мелких групп иммигрантов о поселении на Узунъяйле, если они были продиктованы материальной нуждой или гуманитарными обстоятельствами.

С другой стороны, отмечены и единичные случаи отказа иммигрантов от поселения в регионе. Ярким примером данного рода могут служить злоключения 240 семейств кубанских ногайцев, прибывших в Османскую империю еще в 1858 г. и около трех лет проведших в округах Чанкыры и Карахисар без должного внимания со стороны властей. После гибели от голода и болезней нескольких десятков членов группы и выражения ее лидерами желания вернуться на родину чиновники летом 1861 г. перевели ногайцев на Узунъяйлу, рассчитывая, что они, подобно другим северокавказцам, успешно приспособятся к местным реалиям. На практике, однако, для степняков-ногайцев оказались неприемлемы природные условия этого горного края (как, возможно, и проживание в среде более многочис-

ленного массива культурно отличных горских общин), и в январе 1864 г. они в заметно поредевшем числе самовольно покинули его с намерением вернуться на Кавказ (добраться, однако, им удалось лишь до Самсуна, где остатки группы были расселены в турецких селах) [8, 289/96; 9, 232/32]. В 1863 г. Узунъяйлу из-за конфликтов с афшарами и проживавшими в соседнем округе Зейтун армянами покинули также 103 чеченских семейства, переместившиеся с разрешения властей в Карс [1, 86].

Насколько возможно проследить по османским источникам, большинство осевших в конечном счете на плато Узунъяйла северокавказцев прибыло в Османскую империю морским путем через порты Стамбула, Трабзона, Самсуна, Синопа, Батума, Ризе и др. После высадки на берег и кратковременного нахождения в карантине иммигранты переправлялись в глубь Анатолии в районы временного содержания (в качестве таковых выступали обычно округа Йозгат, Анкара и Кастамону), где проводили от нескольких месяцев до года и более на попечении местных властей и населения, вслед за чем доставлялись или самостоятельно добивались до мест своего постоянного размещения на Узунъяйле. Впрочем, как было отмечено выше, существенную долю поселенцев в регионе составили группы, первоначально поселенные в других областях Анатолии. Небольшая часть иммигрантов прибыла на Узунъяйлу также по сухопутному маршруту через Закавказье, Карс и Сивас.

Установление точного количества поселенных на Узунъяйле (как, собственно, и в других османских регионах) северокавказцев несколько осложняется тем обстоятельством, что официальные инстанции в процессе переписки не всегда сообщали поддушную

численность направляемых туда групп, ограничиваясь порой лишь указанием количества составляющих их семейств (*хане* «двор, домохозяйство»). Кроме того, какая-то часть иммигрантов, несомненно, прибыла в регион без ведома властей. На основе анализа документов, относящихся к северокавказской колонизации на Узунъяйле в течение двух лет – с марта 1860 по февраль 1862 г. (то есть в период, когда приток населения был наиболее интенсивным), – можно сделать вывод о расселении на данном плато около 15 тыс. представителей народов Северного Кавказа, главным образом этнических адыгов и абазин, основавших там на указанном этапе более тридцати самостоятельных населенных пунктов. Ввиду того, что с весны 1862 г. массовый приток иммигрантов в регион прекратился, а отток из него был крайне незначительным, данную цифру следует считать достаточно близкой к окончательному количеству поселенных там в османский период кавказцев.

Как отмечалось выше, до начала переселенческой колонизации регион Узунъяйла представлял собой летнее пастбище племени туркмен-афшаров, которые, хотя и не являлись законными владельцами этой территории, на протяжении нескольких веков использовали ее для своих хозяйственных нужд. Поскольку уже вскоре после прибытия сюда кавказцев произошли нападения на них со стороны кочевников, власти с целью защиты переселенцев и предотвращения разгорания этого конфликта были вынуждены принять ряд мер военно-полицейского характера. Так, уже летом 1860 г. сюда для охраны безопасности и имущества колонистов были направлены два эскадрона регулярной кавалерии из соседнего округа Кайсери, а в начале 1861 г. в дополнение к ним из Сиваса, Кайсери и Йозгата было при-

влечено 150 бойцов иррегулярных жандармских формирований, укрепленных сотней добровольцев из числа самих иммигрантов. Однако, судя по всему, этих шагов оказалось недостаточно для надежной нейтрализации афшаров, и в мае 1861 г. по представлению Мухаджирской комиссии Военное министерство распорядилось направить для блокирования всех дорог и проходов, ведущих на плато Узунъяйла, более крупный контингент 3-й Анатолийской армии. В результате, явным образом поддержав в этом столкновении иммигрантов, Порты уже к середине 1860-х гг. добились окончательного отказа афшаров от претензий на регион, чем был открыт путь для его хозяйственного и культурного освоения силами северокавказских поселенцев, в то время как лишённые мест своих летних кочевков афшары вскоре также были достаточно легко принуждены к переходу на оседлость и поселению на своих низинных зимовьях в соседнем Аданском вилайете [7, 536–540].

В данной связи необходимо подчеркнуть, что поселение северокавказских иммигрантов на плоскогорье Узунъяйла в известной мере представляло собой особый случай в колонизационной практике Порты в Анатолии. В частности, если в других регионах власти по соображениям общественной безопасности и с целью экономии государственных средств стремились (с большим или меньшим успехом) дробить традиционные кавказские общины и рассредоточивать их мелкими партиями в среде коренного населения, то на Узунъяйле с санкции правительства и лично султана было реализовано поселение иммигрантов по «племенному» принципу с сохранением целостности групп и их социальной структуры. Как представляется, основная причина этого состояла в расчете властей на использование потенциала

северокавказцев для противодействия анархогенной активности местных кочевых сообществ, облегчения процесса их седентаризации и в целом ускорения экономического развития указанной территории. Именно этим во многом объяснялось направление на Узунъяйлу ряда крупных групп, не соглашавшихся на раздельное расселение в других азиатских областях.

В январе 1861 г. северо-восточная оконечность Узунъяйлы, где располагались первые кавказские села, была выделена правительством в отдельную административную единицу – уезд (*каза*) – под названием Месудийе («Счастливый»). Его главой был назначен кадровый османский бюрократ, этнический черкес Ахмед Шакир-бей, а муфтием – черкес Али-эфенди [9, 541/37; 10, 413/99], в связи с чем иммигранты направлялись в Стамбул благодарственные обращения [9, 229/99]. В феврале 1863 г. ввиду быстрого роста в регионе постоянного населения вся территория Узунъяйлы была преобразована в самостоятельный округ (*санджак*) Азизийе (названный в честь султана Абдулазиза) в составе Сивасского вилайета. Его административным центром стал одноименный поселок (ныне город Пынарбаши), основанный годом ранее в плодородной долине в южной части региона 500–600 хатукайскими и кабардинскими семьями [8, 491/43]. Благодаря своему удачному расположению этот поселок вскоре превратился и в важный пункт товарообмена между поселенными на Узунъяйле северокавказцами и жителями сопредельных округов. Кроме того, в последующие годы наметился определенный приток населения в округ Азизийе из-за его пределов, хотя выходцы с Кавказа численно доминировали в нем в течение всего османского периода и позже. Согласно данным

официального статистического ежегодника 1888 г., здесь имелись (главным образом в административном центре) 139 торговых объектов (дукьян), караван-сарай, телеграф, средняя школа, две общественные бани, правительственное здание и заброшенная казарма, что свидетельствовало о достаточно успешном для османской Анатолии социально-экономическом развитии. Основу экономики поселенцев составляли земледелие (преимущественно зерновые) и скотоводство. При этом особое значение имело коневодство, приобретшее к концу XIX в. важный коммерческий характер благодаря поставкам черкесских скакунов армии и другим государственным структурам [11, 196–210].

Таким образом, размещение северокавказцев на плато Узунъяйла в Центральной Анатолии представляло собой один из наиболее масштабных и успешных колонизационных проектов, осуществленных Портой в рассматриваемый период. Заинтересованность османского руководства в хозяйствен-

ном и социально-культурном преобразовании данной местности, с одной стороны, и стремление иммигрантов к совместному компактному проживанию, с другой, создали условия для плодотворного взаимодействия официальных органов и переселенцев, что обеспечило ускоренное превращение региона из зоны доминирования кочевых туркменских племен в сравнительно благополучный в общественном и экономическом отношениях аграрный черкесский анклав. Хотя в последующие годы своеобразная социокультурная автономность местной кавказской общины порой служила основанием для выдвижения размещенными в других провинциях иммигрантами требований о распространении и на них «модели Узунъяйлы» [12, 1481; 13, 68], регион вплоть до конца османского правления, равно как и в более поздний период, сохранял известную уникальность в качестве наиболее многочисленного и жизнеспособного черкесского поселенческого массива в стране.

-
1. *Habıçoğlu B.* Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. İstanbul, 1993.
 2. *Bice H.* Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. Ankara, 1991.
 3. *Saydam A.* Kırım ve Kafkas Göçleri (1856–1876). Ankara, 1997.
 4. *İzbirak R.* Uzunyayla'da Coğrafya Araştırmaları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1945. III. № 3. С. 271–288.
 5. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (далее – BOA). İ.MVL.
 6. *Özdemir Z.A.* Avşarlar ve Dadaloğlu. Ankara, 1985.
 7. *Karataş Ö.* Sivas-Uzunyayla'da Afşar-Çerkes Çatışması (1860–1870) // 1864 Kafkas Tehciri: Kafkaslar'da Rus Kolonizasyonu, Savaş ve Sürgün. Editör: M. Hacısalihioğlu. İstanbul, 2014. С. 517–548.
 8. BOA. A.MKT.UM.
 9. BOA. A.MKT.MHM.
 10. BOA. A.MKT.NZD.
 11. *Uzunyayla Rapor ve Belgeleri.* Derleyen: M. Ünal. II. Ankara, 2008.
 12. BOA. İ.MMS.
 13. *Чочиев Г.В.* Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3(35). С. 65–86.